

Е. А. Чайко

От семьи русской к семье советской:
третья сторона во внутрисемейных
конфликтах (по материалам
Челябинской области)

Чайко Екатерина Анатольевна, Челябинский государственный университет, Музей археологии и этнографии (Челябинск), заведующая, кандидат исторических наук; e.a.chaiko@yandex.ru

В период 1930–1960-х гг. широко практиковалось вмешательство общественных структур (партийных организаций, трудовых коллективов, товарищеских судов, прессы) во внутрисемейные отношения для разрешения конфликтных ситуаций.

Обращение к третьей стороне для решения внутрисемейных конфликтов допускалось в русской семье и в дореволюционный период, о чем, в частности, свидетельствуют материалы станичных судов Оренбургского казачьего войска. Большинство дел инициировалось женами либо их отцами, дядями. Основными причинами обращений служили измены мужа, побои, публичные оскорбления. В делах об изменах ответчицей выступала женщина-разлучница. При нанесении побоев решение суда зависело от репутации пострадавшей женщины. Требуящим обязательного наказания считалось плохое содержание жены и оскорбление при людях. Признание виновности влекло штраф и арест при станичном правлении.

Обращения мужчин в суды были связаны с бегством жен из семьи. По подобным делам принимались решения о поиске и возврате жены.

После революции практика обращений к третьей стороне сохранялась в женской среде. В случае измены мужа жаловались его начальству в партийные органы, в прессу. Ответчиками считались мужья, а не разлучницы. Поводом для обращений женщин оставались побои. По отношению к драчливым мужьям применялись меры мягкого воздействия. Как и в дореволюционное время, плохое содержание семьи – муж пьет, не отдает в семью денег – удостоивалось наибольшего осуждения. Целью вмешательства в семейные отношения называлось стрем-

ление к перевоспитанию супруга. Использовалось внесудебное принуждение. Общественные институты способствовали сохранению целостности семей.

Ключевые слова: семья, государство, суд, внутрисемейные конфликты, муж, жена, измена, побои, жалобы.

Несмотря на традиционно присущие русской семье замкнутость и строгую семейную иерархию, в случае семейного конфликта допускалось обращение пострадавших членов семьи к обществу для установления справедливости. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы станичных судов за 1860–1880-е гг. ст-ц Долгодеревенской и Еткульской Оренбургского казачьего войска. Так, станичные суды принимали и рассматривали жалобы на жестокое обращение мужа и его ближайшей родни с женой. Приведем решения судов по таким жалобам.

9 марта 1886 г. в Еткульский станичный суд обратилась казачка пос. Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова с жалобой на нанесение побоев ее мужем Никанором Васильевым Сухоруковым. Казачка была освидетельствована врачом, который нашел на спине «сильно нанесенные нагайкой удары», счел их «при повторении вредными ко здоровью». Вызванные на суд жители поселка встали на сторону Никанора и одобрили его поведение, объяснив суду, что Анна «имеет в себе дурной характер». Судом также было отмечено плохое поведение истицы на суде: «Анна подает на себя явное при суде неповиновение». В результате рассмотрения станичный суд признал побои женщины необходимыми для укрощения ее «дурного характера»¹.

Среди материалов Долгодеревенского станичного суда отложились документы судопроизводства по заявлению челябинской мещанки Н. Ф. Трошиной на своего зятя – казака П. Н. Тарасова. По словам заявительницы, находясь в доме зятя, она стала свидетелем того, как зять бьет ее дочь и вступилась: «Зачем он делает буйство в семейной жизни?» В ответ, казак «бросил (бить) жену и нанес... побои ей» – сначала дома, а затем на улице. «Спрошенные» судом соседи показали, что видели заявительницу на улице лежащей, но чтобы ее бил зять не видели. Сам же казак Тарасов на суде показал, он был «выпимши», сидел за столом во время ужина, произнес матерное слово между разговоров с женой, а теща начала упрекать. Он вывел ее, «дабы она не могла являться в чужой дом со своими наставлениями». Побоев не наносил. Суд факт побоев не признал, но казаку сделал строгий выговор, чтобы в будущий раз «обращался с родными хладнокровно»².

Заявление мог подать и отец замужней дочери. В документах станичного суда Долгодеревенской станицы имеется дело, заведенное по жалобе казака А. С. Подкорытова на жестокое обращение свекрови и свекра с его дочерью. Казак сообщил суду, что «выданная им в замужество родная дочь его Елена Александровна, по мужу Заварухина, часто... приносит жалобу, что свекр ее, казак Константин Заварухин, и жена его, Василиса Борисовна, постоянно наносят ей обиды и к тому настраивают и мужа ее, и даже иногда не дают к пропитанию ея никакой пищи». «Спрошенные судом» свекр и свекровь не сознались. Однако, «на спрос суда целое общество поселка» показало, что «Заварухины сноху свою частовременно изнуряют. Сноха Константина (еще одна) Наталья Ефимовна показала, что при ней свекровь их наносила Елене обиды, и даже сорвала с нее шаль». Суд постановил наказать казака Константина Заварухина штрафом 3 руб. серебром в пользу общественной суммы, а жену его, «как более растлившую семейную жизнь, держать при станичном правлении 6 суток»³.

Таким образом, материалы станичных судов свидетельствуют о наличии практики обращений пострадавших членов семьи в станичный суд в случаях нанесения побоев, обид (оскорблений), плохого содержания в семье. Анализ решений по приведенным делам показывает, что самым незначительным проступком из перечисленных выше, считалось нанесение побоев, не повлекших увечий. Более серьезными проступками считались оскорбления, а также плохое содержание жены.

Под юрисдикцию станичных судов также попадали действия, направленные на разлад супружеской жизни. Так, 9 марта 1886 г. казачка пос. Сухоруковского Анна Михайловна Сухорукова обратилась в Еткульский станичный суд с жалобой на солдатку Анну Андрееву Оборину в «расстройстве супружеской жизни» и нанесении побоев. По приговору суда солдатку Анну Андрееву Оборину подвергли аресту при станичном правлении на шесть дней «с употреблением на общественные работы»⁴.

16 января 1866 г. в тот же суд обратилась крестьянка пос. Еманжелинского Еткульской ст-цы Екатерина Шаховская с обвинением казачки того же поселка Анисьи Гавриловны Печеркиной в желании «сделать супружеские разлучи». В свидетели была призвана девица Анна Андреевна Сазонова, которая намерения Печеркиной подтвердила. Суд постановил подвергнуть разлучницу аресту при станичном правлении сроком на семь дней и взыскать с нее штраф три рубля в пользу А. А. Сазоновой «за двойной вызов в суд»⁵.

Относительную суровость наказаний по подобным делам, очевидно, можно объяснить известным представлением русских о свя-

тости венца. Супружеские измены считались нарушением клятвы, данной в церкви при венчании, и потому осуждались. Большинство исков предъявлялось по поводу супружеской неверности к женщинам-разлучницам. В особых случаях ответчиком в деле о супружеской неверности мог выступать муж. Так, казачка пос. Еткульского Парасковья Павловна Бухарина обратилась в суд с прошением о «взыскании с мужа (урядника Осипа Тихоновича Бухарина) по закону» за то, что он «занимается любострастием со снохой своей, женой родного сына, Настасьей Яковлевной Бухариной, из-за чего содержит ее в общесожитии и согнал [жену] из дому своего». «Спрошенный» в суде урядник сообщил, что жена отлучилась из дома самовольно, о чем он ранее заявил поселковому атаману и «сей последний ссылку Бухарина подтвердил». Спрошенные судом соседи поведение урядника Бухарина одобрили, а «жену его Прасковью не одобряют», ибо она, по мнению соседей, «не делает послушания противу мужа своего». Суд решил «казаку Бухарину за несправедливый извет, а также выслушивание неприличностей присудить, что ничем не доказывается». Жену его «в пример других» держать при станичном правлении под арестом трое суток «со внушением, дабы она на будущий раз от сказанных несправедливых изветов воздерживалась»⁶.

Мужья обращались в суды только в случае ухода жены из семьи. Так, 4 февраля 1886 г. Еткульский станичный суд разбирал заявление казака Трофима Васильева Борисова. По словам заявителя, жена его Екатерина два месяца назад скрылась из дома. После долгих розысков он нашел ее в пос. Еманжелинском у ее родственника. Суд обязал доставить Екатерину обратно к мужу, а также «ублаготворить» Трофима Борисова за проведенные им в розысках 10 дней «с лошадью» за счет «пристанодержателя»⁷. Из чего следует, что розыски бегавшей из дома жены, были сочтены делом общественно важным.

Таким образом, в русской семье в условиях господства представлений о незыблемости семьи, существовала практика обращения пострадавших во внутрисемейных конфликтах за защитой к третьей стороне (в суд). Станичные суды рассматривали обращения и принимали решения на основе выяснения общественного мнения о сторонах конфликта, руководствуясь традиционными взглядами на семью и роли в ней отдельных ее членов.

В советское время наряду с судебным регулированием семейных взаимоотношений и конфликтов в рамках действовавшего законодательства, имела место практика внесудебного регулирования. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы районных газет, а также решения партийных и советских органов местной власти периода 1930–1960-х гг. Внесудебные разбирательства могли ини-

цироваться самой пострадавшей стороной либо сторонним лицом. Внесудебные вмешательства в дела семьи происходили в случаях «буйства» мужа, пьянства и плохого содержания жены и детей («не отдает зарплату в семью»), ухода мужа из семьи при наличии детей («оставил детей»). Поводом для внесудебного вмешательства являлись письменные обращения женщин – жен, соседок или других лиц. Наиболее частыми были жалобы на регулярное пьянство и побои жены в пьяном виде.

Так, в одной из газетных заметок читаем: «Спиридонов П. издевается над своей женой. Он не только бьет ее кулаками, но и с палкой гоняется по улице»⁸. В другой заметке предлагается повлиять на Лопакова Н. Я., который «избивает жену», а «детей прогоняет к соседям»⁹. Авторы публикаций призывают власти на местах – местный совет, милицию, завком – принять меры по отношению к ведущим себя аморально мужьям. Как правило, сам факт публикации в газете свидетельствует о нежелании властных структур вмешиваться в семейный конфликт. К примеру, отмечается, что местный совет знает о «систематическом пьянстве и хулиганстве Лопакова и молчит»¹⁰. Или в письме домохозяйки в районную газету о том, что их сосед, рабочий лесохимического завода Чернышков, избивает жену, а детей часто оставляет голодом, сообщается, что ранее авторы письма безрезультатно обращались в милицию¹¹.

Как и в дореволюционное время, нанесение побоев жене не считалось проступком, требующим обязательного наказания. Так, в 1929 г. на конференции женщин-общественниц Златоустовского окр. Уральской обл. ее участницы жаловались на то, что милиционеры «при случае драки (в семье) не идут на защиту женщин»¹². К «буйству» мужей довольно терпеливо относились и сами женщины, а факт обращения жены с жалобой на мужа не однозначно оценивался общественным мнением. В 1952 г. участники фольклорной экспедиции В. Е. Гусева, работавшие на Южном Урале, отметили, что «зачастую мужья пьют и дерутся. Сам председатель артели часто гоняет свою жену по улице, напившись. Женщины недовольны таким положением, но помалкивают»¹³, тогда же 92-летняя жительница одной из деревень заметила участнику этнографической экспедиции, что «раньше баб поленьями били обязательно. Это такой порядок был и законно»¹⁴.

В начале 1960-х гг. для обуздания дерущихся мужей власть стала использовать товарищеские суды. Так, в 1960 г. товарищеским судом при исполкоме Ашинского горсовета было рассмотрено дело, посвященное «антиобщественному поведению в быту рабочего метзавода Бочкова, который пьянствовал, издевался над женой и детьми, зарплату не отдавал в семью». Собрание проводилось

в клубе по месту жительства Бочкова при большом скоплении домохозяек. В отчете отмечается, что после товарищеского суда «Бочков стал вести себя как положено отцу семейства, жалоб со стороны жены и соседей не стало»¹⁵.

Таким образом, практика обращений к третьей стороне в случаях внутрисемейных конфликтов в советский период имела исторические корни. В отношении семьи правовое сознание народа, и в значительной степени власти воспроизводило нормы, традиционно принятые в народной среде. Властные структуры, в разрешении семейных конфликтов исходившие из стремления к сохранению целостности семьи, применяли мягкие формы воздействия на мужей, ограничиваясь внушением по общественной или партийной линии.

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА-ЧО). Ф. И.- 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

² Там же. Ф. И-7-1-40. Л. 13об-14об.

³ Там же. Ф. И-7-1-40. Л. 28-29об.

⁴ Там же. Ф. И.- 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

⁵ Там же. Ф. И.- 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 92.

⁶ Там же. Ф. И-7-1-40. Л. 102об-103.

⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 26об.

⁸ «Стальная искра». 1936. 13июля.

⁹ «Авангард» 1941. 28 янв.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Стальная искра». 1936. 25 июля.

¹² Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 1625. Л. 22об.

¹³ Государственный исторический музей Южного Урала (ГИМЮУ). Фонд документов. Оп.4. Ед.хр. 289 Л. 10.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 298. 22.

¹⁵ АЗГО. Ф. Р-451. Оп. 1. Д. 68. Л. 63-64.

UDC 392.3

E. A. Chaiko

From Russian Family to Soviet Family:
Third Parties to Marital Conflicts (a Case Study
of Chelyabinsk Region)

Chaiko Ekaterina Anatolievna, The Chelyabinsk State University, the Museum of Archeology and Ethnography (Chelyabinsk), head, Ph. D. (History); e.a.chaiko@yandex.ru

The practice of social institutions (Communist party organizations, labor collectives, comrades' courts, media) taking an active part in marital relationships in order to resolve conflicts was widespread in the 1930–1960s.

Appeals to third parties to resolve marital conflicts were not unheard of for Russian families in the pre-Revolutionary times as well (as evidenced, for example, by village court archives of Orenburg Cossack host). For the most part, cases were initiated by wives or their male relatives. The reasons were generally infidelity of the husband, physical abuse or public insults. In infidelity cases, defendants were female homewreckers. In cases of physical abuse, the court decisions depended on the woman's reputation. Lack of spousal support or public insults of the wife were punished with no exceptions. For husbands found guilty, the punishment was a fine and time in the village council's jail.

Men appealed to courts if their wives ran away. The court decision in such cases was to find the wife and get her back to her husband.

After the Russian Revolution of 1917, the practice of appeals to a third party remained widespread among women. Complaints against unfaithful husbands were submitted to their bosses, the Party organizations or the media. The defendants in such cases were husbands, not their lovers. Physical abuse was still a cause for women to complain about. Abusive husbands were subject to mild correction. Like before the Revolution, poor familial support (husband is often drunk, leaves no money to his family) was punished the harshest. The goal of such involvement in the family matters was to make the husband to reform. Out-of-court restraint was in use. That way, social institutions served to preserve families.

Keywords: family, state, court, marital conflicts, husband, wife, infidelity, physical abuse, complaints.